

Свидание (Прага)

Вот и настало - время печали, время исхода,
Гордые плечи, дьявол на левом, ангел на правом.
Катит устало долгие годы, тяжкие воды
Под мостовую, над головою, тёмная Влтава.

В сердце осколок встанет левее - станет ли легче?
Алой волною хлынет под горло мне – алилуйя;
Кто там в камзоле, кто там в крылатке, бархат и жемчуг,
Милая пани, чудная пани, ручки целую.

Ах, кавалеры, что ж недогрели, недолюбили?
Волглые крылья вяжет и тянет смертная влага,
Птичья повадка, пух лебединый, взор голубиный,
Пламя и пепел, память и мука, ты моя Прага,

О золотая! вот и светает! станет ли проще?
Хочешь - укрою, ласковым словом, шёлковой шалью?
Словно слепая, определяю имя на ощупь:
Прага - прозреньё, Прага - прощеньё, Прага - прощанье.

Мокрые камни, чернь с позолотой, пики и черви,
В ладанном небе, в облачном нимбе, в снежном сияньи,
Свет незакатный, свет невозвратный, свет невечерний,
Милая пани, светлая пани, мёртвая пани.

Malacia

Malacia (лат.) безветрие, тишь на море, штиль.

Бывают дни – стоячая вода:

Густеет воздух, вязнет в мутной тине.

И время застывает, как слюда,

Запутавшись в прозрачной паутине,

И легкий шелест чистого листа

По камертону вечности настроен –

Молюсь тебе, святая пустота,

И пью твои целебные настои,

И остаюсь наедине с собой,

И ухожу в темнеющее поле,

И кажется, что боль – уже не боль,

А тень воспоминания о боли,

Как будто начат заново отсчёт,

Как будто вновь – отметка нулевая...

И мир сквозь тело медленно течёт,

Ни сердца, ни души не задевая.

2018

Будет так: потеряет сон и спадёт с лица,

И беззвёздность покажется злее любых агоний –

И звезда Алькор расседлает звезду Мицар,

И скользнёт с небес, и засветится на ладони.

А быть может, так: он привыкнет к звезде Алькор,

Успокоится, снова сможет дышать без света,

Слишком больно, и слишком, чёрт возьми, далеко...

Чёрт возьмёт, и в карман упрячет: была и нету.

А в кармане у чёрта вечность черным-черна;

Забываешь, кому светила, зачем мерцала,

И звенят все тише серебряные стремяна

Где-то в млечных полях заблудившегося Мицара.

De profundis

**когда ты всматриваешься в бездну, помни - бездна всматривается в тебя (Ф. Ницше)*

и слепящий свет накрывает поле
и уже что воля а что неволя
только тело жаром вот-вот истает
только глаз сияет из белой бездны
только голос сети свои сплетает
шепчет сделай шаг это очень просто
ах ты мой хороший ты мой болезный
это я зову я твоя прохлада
это я зову я твоя награда
у меня есть крылья тебе по росту
и зовёт и поёт и смотрит влюблённо:
говорю нельзя у меня ребёнок
говорю никак у меня любимый
и воронки край проплывает мимо
плавно словно мантия ската
и скользит по мне помутневшим оком
ну как хочешь сейчас я тебя жалею
а потом я стану намного злее
ты же помнишь как я бываю жестока
ты же знаешь будет расплата
а любимый держит меня за руку
из последних сил и глядит виновато
прости не могу сильнее
2019

Ничего и не было, ты это знаешь сам,
Оттого и рука, и речь моя ледяна,

Только дождь и дым, и пепел на волосах:
То ли пепел, а то ли ранняя седина.
Только дождь, и дым, и продрогший молчащий лес,
Где из мрака целятся тысячи цепких глаз,

И могло б случиться – но только не здесь, не здесь,
И могло бы сбыться – но только не в этот раз,

И не в эту жизнь – слишком мало осталось лет
По живому резать, да песнями боль глушить,
Нам с тобою такой зарок: отдавать да греть,
До последней нычки, до выстуженной души,

А потом уйти, как уходит в зенит стрела:
Отыскать в небесах просвет, да сорваться ввысь...
То не грех, мой милый, озябнув, просить тепла:
Не кори себя, не вини себя, не казись.

Отдавать да греть: так привычно и так легко –
Только дождь и дым, только пепел твоих волос...

Я смелей огня, я касаюсь тебя рукой,
И, нежней огня, прожигаю тебя насквозь.
2010

4.35 утра

Ты поклонялась, как и я, огню,
ты, как и я, металась и горела;
твой дом – хрустальный, стылый, закоптелый –
как драгоценность, бережно храню,

припоминая: трепет, дрожь, и вот
последний всплеск – о, нет, постой, мгновенье –
в беззвучном крике заходились тени,
в твоей тоске почуяв свой исход,
конец полночным танцам, песням, снам...

Но сбережёт признательная память
твой храбрый фитилёк, и свет, и пламя,
как ты всю ночь держала нимб над нами,
как, умирая, ты светила – нам.
2010